

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

DOI: 10.46725/IW.2021.3.8

Ю. А. Иванов

АМЕРИКАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ УСАДЬБУ
Рец. на кн.: Пикеринг Антонова К.
Господа Чихачёвы. Мир помещного дворянства
в николаевской России / пер. с англ.
М. Семиколенных; науч. ред. С. Антонов. М.:
Новое литературное обозрение, 2019. 456 с.
(Серия: *Historia Rossica*)

В. О. Ключевский в своей ранней работе «Сказания иностранцев о Московском государстве» (1866) отмечал характерную черту иностранных свидетельств — подмечать то, что для самих россиян является обычным, а посему «неважным» и «незамечательным». Это в полной мере относится и к современной качественной русистике: отстраненный «незамысленный» взгляд на очевидные для российских исследований вещи — взгляд со стороны — позволяет увидеть новое в старом. В данном ключе написана книга Кэтрин Пикеринг Антоновой.

Изданная в США в 2013 г. и переведенная на русский язык с измененным по сравнению с оригиналом названием книга вышла в издательстве «Новое литературное обозрение» в конце 2019 г. и дошла до отечественного читателя в разгар первой волны пандемии. Вероятно, в силу этого оказалась относительно незаметной

© Иванов Ю. А., 2021

Иванов Юрий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, географии и экологии, Шуйский филиал Ивановского государственного университета, iv_shuya@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Professor of the Department of History, Geography and Ecology, Shuisky Branch of Ivanovo State University).

как для историков культуры, так и специалистов по регионалистике и краеведению. Связано это еще и с тем, что жанр — интеллектуальная история на «краеведческом» материале — не частое явление в отечественной историографической традиции. Вряд ли найдешь другого рядового русского помещика первой половины XIX в., о котором знают в современной Америке, по крайней мере, в научных кругах, занимающихся русской историей.

Так случилось, что сразу две американские исследовательницы — К. Пикеринг Антонова и С. Смит — практически одновременно заинтересовались Андреем Чихачёвым (1798—1868) — провинциальным дворянином из Ковровского уезда Владимирской губернии. Для многих, кто встречал их фамилии в ивановском и владимирском архивах, они слились воедино, хотя тексты говорят о разных подходах. Дорогого стоит признание К. Пикеринг Антоновой, что она в какой-то мере «приняла чихачёвскую эстафету» от С. Смита (с. 15)¹.

Сама автор пишет, что «книга написана в жанре микроистории, ее задача — как можно глубже понять одну семью, чтобы та могла стать образцом, сопоставление с которым позволило бы лучше понять другие, не столь подробно задокументированные случаи» (с. 21). В отличие от «микроистории» К. Пикеринг Антоновой, подход С. Смита более универсален и широк по проблематике и склонен к обобщениям (с. 53).

«Господа Чихачёвы» как образцовые дворяне давно стали общим местом как в краеведении, так и в общероссийской историографии. Кто только ни вспоминал о них «всуе»: и пушкинисты (первый провинциальный отклик на смерть А. С. Пушкина), и флористы (образцовые клумбы и цветники «дворянского гнезда»), не говоря о серьезных почти монографических краеведческих исследованиях (Т. Н. Головина, Н. В. Фролов и др.). В этом отношении интересен американский взгляд на российскую провинцию, тем более что К. Пикеринг Антонова — верная последовательница гендера и микроистории в американском изводе.

¹ *Пикеринг Антонова К.* Господа Чихачёвы. Мир поместного дворянства в николаевской России / пер. с англ. М. Семиколенных; науч. ред. С. Антонов. М., 2019. Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте с указанием страницы в круглых скобках.

Автор признает, что задумывала исследование как «гендерное» (с. 15—17), но источники вывели на более широкий контекст. К. Пикеринг пишет, что «провела девять месяцев в читальном зале Ивановского архива» (с. 15), то есть «родила» эту книгу. Дорогого стоит и признание, что «даже в Соединенных Штатах Америки или Западной Европе ... подобный семейный архив той эпохи был бы примечательной находкой» (с. 13).

Не случайна и компоновка работы — в ней 10 глав: «Мир провинции», «Общество», «Деревня», «Управление имением», «Светская жизнь, благотворительность и досуг», «Болезнь, горе и смерть», «Домашняя жизнь и материнство», «Обучение Алексея», «Просвещение для всех», «Интеллектуальный ландшафт». Их последовательность в значительной мере идет от структуры архивного материала и в меньшей — ориентирована на российскую историографическую традицию сюжета. К. Пикеринг Антонова хорошо знает русскую культуру, и не случайно работа близка к «физиологическому очерку», если пользоваться терминологией русского критического реализма XIX в., правда, иногда с нарушением нарратива. С пристрастного российского взгляда сначала раздражает, а потом становится интересным постоянное сравнение жизни семейства Чихачёвых с «gentry family» в Англии или США того же времени (впрочем, хронология у автора не всегда совпадает).

Можно согласиться с К. Пикеринг Антоновой, что «просвещенный консерватизм» (с. 401) был одним из основных трендов провинциальной помещицкой России: «либералам» здесь не было места. Однако спорным является тезис, что «Чихачёвы, их родные, знакомые и слуги были оторваны от центральных политических событий той эпохи» (с. 53). Чего стоит заочная полемика в «Московских губернских ведомостях» и «Земледельческой газете» Чихачёва с Н. П. Огарёвым в 1847 г. — провинциальный вариант споров славянофилов и западников. Скорее речь идет о феномене «уездной идеологии», которая окончательно сложится в провинциальной России во второй половине XIX в. — отстраненности, уездном изоляционизме от жизни «другой России» — двух столиц. Хотела автор того или нет, но фактический материал демонстрирует «периферийность» сознания даже лучшей части уездного дворянства, к которой, несомненно, принадлежали

Чихачёвы, неразрывно связанные как с Ковровским, так и Шуйским уездами Владимирской губернии.

О типичности Чихачёвых говорить сложно, не случайно, К. Пикеринг Антонова относит их к определенному типу «замечательных чудаков и оригиналов» (по М. И. Пыляеву): «тип» провинциального помещика, ревностно служащего государству, трудолюбиво заботясь о провинции, и “тип”, с энтузиазмом писавший в журналы фамильярные и чрезмерно подробные анекдоты об устройстве своего дома и личной жизни — оба они не могли бы найти более яркого воплощения в реальности, чем Андрей Чихачёв» (с. 411).

Если в современном понимании «Пушкин наше все», то для Чихачёва, который ценил Пушкина, властителем дум был Ф. Булгарин, которому он поклонялся. И не пушкинский, а булгаринский портрет он пытался раздобыть для своего кабинета (с. 397). Причины обстоятельно интерпретирует К. Пикеринг Антонова. Именно этот сюжет, пожалуй, лучше всего иллюстрирует «интеллектуальный ландшафт» провинциальной России даже в лице ее лучших представителей, а Чихачёв, несомненно, был одним из них (с. 397—401). Кстати, за желанный портрет Ф. Булгарина Чихачёв готов отдать 5 рублей, в то время как за починку стенных часов у шуйского еврея-часовщика в 1837 г. заплатил 3 рубля. Знал бы «Видок Фиглярин» (Пушкин о Булгарине в 1831 г.), какой у него рьяный поклонник в Ковровском уезде! При этом К. Пикеринг Антонова совершенно справедливо отмечает «протестантскую» бережливость Чихачёвых. Причина очевидна — висящее на поместье «обременение» — долги, типичные для провинциального дворянства этой эпохи.

Следует особо отметить анализ межстратовых и внутрисловных отношений в провинции в главах «Общество» и «Деревня» — классический пример применения англо-американской «микроистории» повседневности к российскому материалу. Пожалуй, впервые К. Пикеринг Антонова так откровенно обращается с точки зрения классического «гендера» к проблемам материнства, частых беременностей, детской смертности, болезней («истерии», «мигрени», постоянные роды и выкидыши) в дворянских семьях провинциальной России, когда добропорядочные семьянины стали «зариться на чужих баб» (с. 237). Дворовые

«девки» в этой ситуации оказывались продолжательницами «дворянских родов Российской империи» — рожали бастардов, заменяя «господам» вечно больных или беременных «хозяек» (глава «Болезнь, горе и смерть»).

Для русского дворянства идеалом покоя и культуры помещицкой усадьбы («дворянских гнезд») был сад (парк). В книге сад в Дорожаеве репрезентирован периферийно, хотя архивные материалы и сохранившаяся «натура» дают возможность представить «вишневый сад» Чихачёвых как архетипический образ гармонии и совершенства — провинциальным Эдемом.

Представляется, что некоторой проблемой исследования К. Пикеринг Антоновой является то, что достоинство книги — выход за рамки чисто краеведческой штудии, одновременно является если не недостатком, то уязвимым с концептуальной точки зрения местом — попыткой типологизировать достаточно уникальный для провинциальной России «феномен Чихачёвых». И в этом отношении русский вариант названия фиксирует этот факт.

Название русского перевода книги «Господа Чихачёвы», отличное от оригинального «An Ordinary Marriage» («Обычный Брак»)², — остроумная аллюзия к «Господам Головлевым» М. Е. Салтыкова-Щедрина, понятная российскому читателю.

К. Пикеринг Антонова в своих многочисленных ссылках представляет ту англоязычную исследовательскую литературу, которая не дает новых фактов, но открывает новые возможные подходы к изучению истории русской провинции первой половины XIX в. Книга написана живым языком, снабжена полезным научно-справочным аппаратом (генеалогическое древо Андрея и Натальи Чихачёвых, карта Владимирской губернии, библиография и указатель имен) и вполне могла бы быть издана и в серии книг «Повседневная жизнь ...» издательства «Молодая гвардия».

² *Antonova Pickering K. An Ordinary Marriage: the world of gentry family in provincial Russia. N. Y.; Oxford, 2013.*